

СОЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

А. А. Андреев, М. Е. Резван

РАЗВИТИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ПЕРСИДСКИХ, ХИВИНСКИХ И БУХАРСКИХ ПОСОЛЬСТВ В РОССИИ С КОНЦА XVI ДО НАЧАЛА XVIII В.*

АННОТАЦИЯ. Статья представляет собой попытку сравнительного анализа дипломатической деятельности хивинских, бухарских и персидских посольств в России в конце XVI — начале XVIII в. Главным образом авторы стремятся выявить общие и частные моменты складывающейся дипломатической традиции трех государств, в том числе отличия и сходства в структуре посольств, иерархии в них и правилах соблюдения этикета при дворе российского государя. Выборка обусловлена наличием схожей бюрократической традиции для Исфахана, Хивы и Бухары, свидетельством чему являются хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) (в небольшом количестве) посольские документы от Сефевидов на турки и из Хивы и Бухары на персидском. Схожесть проявляется и в общих терминах, обозначающих послов и купчин. Определяются факторы, повлиявшие на те или иные качественные перемены в посольских и купеческих представительствах. Сравняется и проявление традиции дарообмена во всех трех государствах в контексте внешнеполитической конъюнктуры. Отдельное внимание уделяется историографическому обзору по теме статьи, включающему в себя российские, британские и иранские работы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дипломатические традиции, дарообмен, посольства, Хивинское ханство, Бухарское ханство, государство Сефевидов

УДК 94

DOI 10.31250/2618-8619-2019-2(4)-51-62

АНДРЕЕВ АРТЕМ АЛЕКСЕЕВИЧ — к.и.н., доцент кафедры этнополитологии факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: a.a.andreev@spbu.ru

РЕЗВАН МАРЬЯМ ЕФИМОВНА — к.и.н., зав. отделом этнографии Центральной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: mrezvan@kunstkamera.ru

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ, проект № 18-78-10052 «Документальная история русского направления дипломатии Сефевидов (1501–1722 гг.)».

Одним из последствий приобретения Российским царством Астрахани в 1556 г. и получения выхода к Каспийскому морю стал рост торговли с государствами данного региона, такими как держава Сефевидов, Хивинским и Бухарским ханствами, империей Великих Моголов и даже короткое время с Балхом. Интенсивный товарообмен вскоре привел к появлению политических интересов, и, как следствие, в Россию стали прибывать посольства. С конца XVI в. начался процесс становления комплексной дипломатической традиции в державе Сефевидов, в Хивинском и Бухарском ханствах, отчасти завершившийся к петровскому времени.

Казалось бы, каждая отдельная линия внешнеполитических отношений России с указанными государствами изучена достаточно подробно. Например, историография взаимоотношений российского государства со среднеазиатскими государственными образованиями в XVI — начале XVIII в. насчитывает несколько столетий, за которые накопилось весьма значительное количество исследований (Попов 1853; Веселовский 1877; Бартольд 1911; Жуковский 1915; Материалы по истории... 1932; Иванов 1958; Исмаилова 2005; Allworth 1990). Оставшиеся лакуны объясняются дефицитом переведенных и опубликованных источников, больше с хивинской стороны. Например, в фундаментальном своде хроник Хивинского ханства *Фирдавс ал-икбал* («Райский сад счастья») сведений о российском государстве и его представителях за указанный период практически нет¹. Для большинства исследователей источниками по российско-хивинским и российско-бухарским отношениям в основном служили грамоты, челобитные и документы иного рода, сохранившиеся в России. В фондах 109 («Сношения России с Бухарой») и 134 («Сношения России с Хивой») РГАДА содержатся сведения о приезде посольств, об их состоянии и трудностях, с которыми приходилось сталкиваться на пути в Москву. В целом о традициях приема посланников из Средней Азии при дворе российских государей, дипломатическом этикете, дарообмене и о внешнеполитическом контексте времени их визита мы писали ранее (Рахимов, Андреев 2013; Андреев 2015; Андреев и др. 2016; Andreev 2016; Andreev, Rezvan 2016).

Вместе с тем следует констатировать, что отдельная дипломатическая история Российского царства и державы Сефевидов с конца XVI и до начала XVIII в. изучена не столь подробно, как, например, отношения Москвы с Бухарой и Хивой. Есть фундаментальные работы, но они ограничены хронологическими рамками. В частности, колоссальный трехтомный труд Н. И. Веселовского (Памятники... 1890–1898) заканчивается 1618 г. Двухтомник П. П. Бушева завершается 1620-ми гг. (Бушев 1976; 1987) и отдельная его работа посвящена А. Волынскому (Бушев 1978). Автором было задумано написание четырех томов. Третий и четвертый должны были быть посвящены периодам 1639–1722 и 1722–1796 гг. соответственно, но они так и не были опубликованы. О. Б. Бокарева рассматривает посольские книги (переписанные сборники документов) по персидским посольствам в Россию и российским в Персию, датируемые XVII в., с позиции прежде всего источниковедческого знания (Бокарева 2010). Есть отдельные работы по традиции дипломатической переписки Сефевидов с представителями державы Великих Моголов (Фарзалиев, Мамедова 2004).

В иранской историографии приоритет отдавался личностям правителей (Парсадуст 1998; Фалсафи 1973–1974; Джафарйан 1991). Отчасти это дань традиции, когда в конце XVI в. придворные шахские историки создавали первые сочинения о Сефевидах. В период нахождения у власти шаха Аббаса это был Искандер-бек Мунши, написавший знаменитую «Аббасову мироукрашающую историю» (Мунши 1938). В целом вопросы, связанные с деятельностью придворных историков в период правления шаха Аббаса, подробно рассматриваются в монографии Ш. А. Куинн (Quinn 2000).

¹ За исключением пяти-шести строк о гибели сподвижника Петра Первого Александра Черкасского. Князь А. Черкасский там упоминается как Девлет Гирей (Munis, Agahi 1999: 57).

Моэззи, возможно, единственный из иранских историков XX в., кто непосредственно работал с материалами российских архивов. В его работе «История политических отношений Персии с миром» отдельная глава посвящена российско-персидским отношениям (Моэззи 1979).

Внешняя политика Сефевидов в большинстве российских и зарубежных работ рассматривается через субъекты ее реализации, главным образом это регионы Закавказья и Восточного Кавказа (Зевакин 1929; Броневский 1996; Iran and the World 2008; Matthee 2014). Исследователей в основном интересовала экономическая история отношений с державой Сефевидов (Зоннентраль-Пискорский 1931; Фехнер 1952; Куканова 1977; Новосельцев 1966; Matthee 1994; 1999). Особой популярностью пользуется также история политики Петра Первого в отношении слабеющей Персии (Лысцов 1951; Курукин 2010).

Подводя итоги краткому историографическому обзору по персидской, бухарской и хивинской внешнеполитической линиям Российского царства, можно высказать уверенное предположение, что сравнительного исследования среднеазиатских и иранских посольств в Российское царство в XVI–XVII и начале XVIII в. не проводилось. Со своей стороны мы лишь в первом приближении на опубликованных и неопубликованных материалах фондов 77 («Сношения России с Персией»), 134 и 109 РГАДА попытаемся увидеть сходства и основные отличия среднеазиатских и персидских посольств в Россию в этот период и определить факторы, повлиявшие на перемены в их структуре и стиле дипломатии. Разумеется, формат статьи не позволяет рассмотреть все посольства за этот период. Ввиду этого мы ограничим их количество по критерию значимости для освещения посольской традиции.

Старт отношений трех сторон с российским государством происходил по-разному и в разное время. В случае российско-персидских отношений считается, что инициатором была Персия. Султан Мухаммад Худабенде из династии Сефевидов отправил в 1587 г. посла Гади-бека, в российских источниках упоминаемого как Анди-бек (Бушев 1976: 57). Сведений о структуре его посольства практически нет. Он не смог доставить подарки, поскольку был ограблен по пути и сам был лишен имущества. Несмотря на это, принят он был хорошо и уже спустя два года вернулся в Персию, пусть и без дипломатического успеха. Главной целью Анди-бека было получить поддержку Москвы в борьбе с Османской империей.

По версии В. В. Бартольда, российско-хивинские и российско-бухарские отношения получили свое развитие или, как было сказано классиком, «почин» (Бартольд 1925: 176) немногим ранее, в эпоху царствования Ивана IV и при посредничестве англичан. Во многом отношения с регионом уходили корнями в раннее Средневековье (Материалы по истории... 1932: 62).

Н. И. Веселовский, ссылаясь на Лаврентьевскую летопись, определяет точкой отсчета российско-хивинских отношений 1557 г. (Веселовский 1877: 122) — убрал упоминание Лаврентьевской летописи как очень спорное. О тех посольствах, к сожалению, документов не сохранилось. Документальные же свидетельства приезда хивинских послов относятся к 1585 г., когда к Астрахани прибыли бухарский посол Мухаммед-Али и хивинский Ходжа-Мухаммед (Материалы по истории... 1932: 98). Первые посольства по количеству участников были совсем небольшими, напоминающая скорее семейный подряд. С бухарским послом, по его же словам, были его брат, «поп с сыном»², «девка да детина», три арапа и пять человек кашеваров (Материалы по истории... 1932: 98). Привез посол ханский подарок государю: шатер индийский, суровой «митколи» ткани с узорами и бывшего невольника «сына боярскова Ларю Бориса Иевлева сына». От себя же подарил шлем булатный,

² По всей видимости, имеется в виду ахунд — мулла.

саблю булатной стали с золотым украшением, чехол для стрел, нож с ножами, два тулумбаса, два арчака для седла. И привезли от хана товара на продажу «200 зенденей»³, «200 мелей», «100 объяринных зенденей», «100 дороги»⁴, «1 500 кушаков бумажных» и 40 пудов краски (Материалы по истории... 1932: 98).

Хивинский посланник возглавлял еще более скромную по числу делегацию: с ним были его сын, брат, шурин и племянник, трое слуг, пять кашеваров и еще два человека для разных нужд. От хана были привезены шатер, шлем булатный, сабля с золотыми украшениями, два колчана для стрел, ножи и тулумбас. От себя посол подарил саблю булатную, колчан, тулумбас, топор булатный, два седла с золотым шитьем и разных тканей. И аналогичным образом было прислано на продажу «200 дорог всяким цветом, да 100 объяринных широких», «200 зендей красных», «2 000 зендей всяких цветов» и «10 калей краски» (Материалы по истории... 1932: 98).

Оба посольства представляли собой классический случай торгового представительства. В обмен на особый статус и при освобождении от пошлин послы продавали ханский и собственный товар. Представляет интерес, что в составе именно бухарского посольства была должность муллы, или ахунда.

В 1589 г. персидский шах Султан Мухаммад Худабенде отправляет своих послов Анди-бека и Бутак-бека в Москву. П. П. Бушев называет число участников его посольства: 31 человек. Иранский историк Моэззи пишет, что у Бутак-бека было 17 человек (Моэззи 1979: 251). С ним шах Аббас прислал российскому государю седло персидское с бархатной и шелковой обивкой, с лукой, обитой золотом и с драгоценными камнями⁵. Среди подарков от шаха были «шатер и полы». Посол Бутак-бек преподнес государю пять шелковых тканей с рисунками, бархат, лук и полосу булатной стали. Анди-бек от себя подарил царю ковер бухарский и шелка. И от остальных участников были подарены сабли и полосы булатные (Памятники... 1890: 130). Цель посольства, как известно, получить военную помощь со стороны России в войне с Османами. Анди-бек и Бутак-бек вернулись в Персию без гарантий поддержки со стороны Москвы.

В 1591–1593 гг. в России находился шахский гонец Кай. Статусом посла он не обладал, что является собой любопытный прецедент в российско-иранских отношениях. Гонцов, то есть лиц без статуса дипломата и, соответственно, без права вести переговоры, позднее будут посылать в Персию и российские государи. Таковым гонцом будет, например, в 1636–1638 гг. Алексей Романчуков (Лукичев 2004: 304).

Относительно Кая было еще одно любопытное обстоятельство, замеченное П. П. Бушевым. Гонец был отправлен в Россию до того, как вернулись послы Бутак-бек и Анди-бек. Вместе с ним было всего пять человек (это одно из самых маленьких по составу персидских представительств в России), но, несмотря на это и то, что подарки шаха у него отобрали люди Шамхала Тарковского, Кай был удостоен аудиенции царя, на которой он от имени шаха Аббаса призывал к совместной войне с Османами. По завершении аудиенции окольниковыми были переданы подарки царю от гонца Кая — девять золотых перстней с рубинами, алмазами и бирюзой. Подарки оказались низкого качества и по указу царя были возвращены гонцу.

³ «Зендень» — ткань, получившая название от бухарского поселения Зендана, имела распространение в Ираке, Фарсе, Индии и в других регионах. Она могла быть как шелковой, так и бумажной. Чаше последнее (Бахмутова 1940: 48).

⁴ От персидского «دارای» — полосатая и клетчатая ткань.

⁵ Седло сохранилось до нашего времени и представлено на официальном сайте Оружейной палаты Московского Кремля. URL: <https://collectiononline.kreml.ru/iss2/items?query=%D0%A1%D0%B5%D0%B4%D0%BB%D0%BE&info=27005> (дата обращения: 12.02.2019).

Помимо плохих подарков, причиной недовольства также стало то, что «шах с турским... помирился» (Бушев 1976: 172). Мирному договору между Персией и Турцией к тому времени было уже два года и о нем прекрасно знали в Москве (Зоннештраль-Пискорский 1931: 21). В итоге, не выдвигая никаких особых требований шаху Аббасу, российский государь просил прислать к нему послов. Ирония в том, что в 1593 г. шах Аббас уже снарядил посольство Хаджи Хосрова (по российским документам Хози Хосрова), который в том же году встретил гонца Кая в Астрахани. И последний на родину возвращаться не спешил по объективным причинам.

Ходжи Хосров добирался до Астрахани с большими сложностями. Потребовалась спасательная операция, чтобы в какой-то мере восстановить численный состав посольства в 51 человек. Интерес представляет личность посла, который оказался по происхождению литвином «полотцакого взятья», он уже второй раз приезжал в Москву, до этого он находился в составе посольства Бугак-бека и Анди-бека.

В сборнике Н. И. Веселовского есть выписка из «книги, содержащей в себе гилянские и персидские дела», где представлены подробности приема государем посла (Памятники... 1890: 183). Подарков было прислано достаточно много, поскольку цель была подтвердить сохранение враждебного отношения у Сефевидов к Османам, пусть и в условиях действия мирного договора с ними. Мы не будем подробно перечислять все «поминки» шаха Аббаса, за исключением самых ценных: шлем, украшенный золотом, с рубинами и бирюзой, жемчугом; наручи, декорированные золотом; два щита, декорированных золотом; четыре бархатные ткани с рисунками, выполненными золотыми тканями, причем на одной была изображена, по словам самого посла, «Пречистая Богородица со младенцы, а над ними ангилы со звездой»; тулумбас; стремяна из булатной стали; два персидских ковра (Памятники... 1890: 197).

Ходжи Хосровом были переданы отдельные подарки от старшей супруги шаха Зейнап для российской государыни: бархатная и две шелковые ткани с кафтаном. Персидский посол также преподнес отдельные подарки для государя уже от себя: шитую золотом и бархатную ткань (камка), саблю и лук. Некоторые наименования тканей переходили из персидского языка в русский, как, например, *камха* — шелковая ткань с разными узорами и разводами (Бахмутова 1940: 48).

По версии П. П. Бушева, у литвина на шахской службе было несколько поручений.

1. Как можно деликатнее сообщить российской стороне о заключении мира между Ираном и Османской империей.

2. Добиться отправки российского посла к шаху Аббасу.

3. Получить согласие российской стороны на беспощинную торговлю с Ираном.

4. Вернуть подданных шаха, различными путями попавших в Россию.

5. Забрать имущество бывшего гилянского правителя Ахмед-хана (Бушев 1976: 200).

Ходжи Хосров добился выполнения всех пунктов и помимо поручений шаха Аббаса занимался вопросами собственной семьи. Ему удалось в Касымове найти сведения о своей сестре, которая была «жонка-полонянка» и находилась в Муроме, у дворянина Михаила Унковского, последнего обязали вернуть ее брату.

Своими дипломатическими успехами и непростой судьбой персидский посланник литвинского происхождения во многом схож с бухарским послом Кули-беком тупчи-боши, прибывшим в Россию почти век спустя, в 1716 г., о котором доподлинно известно, что его отцом был князь Петр Ураков. Князь служил царю в Уфе и вместе со всей своей семьей попал в плен во время башкирского восстания 1681–1684 гг. Ему самому и его детям удалось бежать. А вот его беременную супругу Дарью Уракову продали в Бухару, где и родился Хан Кули-бек тупчи-боши, как он сам себя

именовал (Andreev et al. 2017: 10). Как и Ходжи Хосров, бухарский посланник, пользуясь служебным положением, старался облегчить участь своих родственников (Andreev 2014).

По визиту Кули-бека тупчи-боши в 1716–1718 гг. можно видеть значительные перемены в особенностях бухарской дипломатии и самой структуре посольства. Во-первых, происходит увеличение количества его участников до 60 человек (РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717. Д. 1. Л. 44). Увеличение численности подразумевало наличие иерархии, но в то время органы власти в Бухарском ханстве еще не были столь бюрократизированы. Поэтому по переписке купчин с российской администрацией можно видеть, что посол не был для них в полном смысле начальником (РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717. Д. 1. Л. 317).

Главную роль в посольствах из Бухары, как и в случае Кули-бека, играли сам посол (он фигурировал в документах как *илчи-баши* (РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717. Д. 1. Л. 128) и купчина (*فروچين*, *купчин*) (РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717. Д. 1. Л. 316) (см. ниже другое написание). Из российских источников можно узнать, что в посольстве был также ахунд (Сборник князя... 1879: 463). Мулла, или ахунд, сопровождал и хивинского посла Ашур-бека, находившегося в России в 1713–1715 гг.

Ввиду значимости и ответственности дипломатического поручения⁶ Кули-бек привез от бухарского хана четырех лошадей, девять изарбафов⁷, 36 овчин серых, 45 овчин черных, 18 рукавиц белых, девять черенков от ножей, девять ножей с гравировкой, девять миткалей, девять меллей, девять бурметтей, два колчана для дротиков, два лука, 18 колчанов, шкуру барса и одну чашку из кости единороговой (РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717. Д. 1. Л. 100об.). От себя посол подарил царю Петру I трех лошадей.

Следующим персидским легатом после Ходжи Хосрова в Россию был гонец Ходжа Искандер. Он предъявил грамоту от шаха, подтверждавшую его статус, и во время аудиенции заявил, что привез с собой не подарки, а «шаховы товары». Это были 22 ткани с золотом и серебром, 127 тканей без золота, 10 бархатных тканей, 35 тканей разных цветов, медный щит, восемь маленьких медных зеркал, два круглых зеркала (Памятники... 1890: 213). «Шаховы товары» означали, что шах Аббас желает не одарить, а произвести обмен.

Формула дарообмена, действовавшая ранее, подразумевала, что одариваемая сторона ответит взаимностью и подарит в ответ не менее дорогие подарки. Здесь же мы видим яркий эпизод, когда правитель, желая удостовериться, что подарки будут именно те, что ему нужны, предлагает список подарков взамен: 20 соболиных шкур, «100 шкур хребтовых белых», 50 лисьих шуб, «100 лисиц хороших», 50 шкур хорька, 200 простых лисьих шкур, «50 пасыря добрых»⁸, два пуда «рыбьих»⁹ зубов, 200 бычьих шкур, пять шуб из куницы, 100 телячьих шкур, 20 «душ полону» (рабов), 60 000 деревец стрельных, 40 пудов береста, 2 000 лошадиных полукож, 400 неотделанных шкур, 100 пудов свечного сала, 100 пудов коровьего масла «татарского», 100 пудов воска. И в конце гонец попросил уплатить 500 рублей его долга (Памятники... 1890: 213).

Фактически гонец в данном случае выступал в роли купчины. Купчина становится неотъемлемой фигурой в посольствах из Персии. Как верно было замечено П. П. Бушевым, Хаджи Искандер был первым, хотя и незадачливым, купчиной из числа тех, что потом будут приезжать в Россию. И в оригинальных документах персидских посольств, как и в бухарских, встречается русский вариант наименования должности — «*کوبچين*» (*купчин*) (РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1630–1631. Д. 1. Л. 138,

⁶ Кули-бек прибыл узнать подробности об экспедиции князя А. Черкасского в Хиву и освободить бухарских и хивинских купцов, арестованных по обвинению в заговоре.

⁷ Золотая и серебряная ткань, с узорами шелковыми, серебряными и золотыми (Бахмутова 1940: 47).

⁸ Термин «пасырь» требует разъяснений.

⁹ Моржовые клыки (Бахмутова 1940: 44).

149, 152, 154, 178, 180, 184, 187, 191, 210). Например, в своих челобитных на персидском языке находившийся в России Хозя Молла от шаха Сефи 11 раз называл себя именно так.

Купчины были главными торговыми представителями шаха и принципиальным образом отличались от частных купцов и торговцев. Они пользовались значительными привилегиями и, как правило, были освобождены от таможенных сборов (Зоннештраль-Пискорский 1931: 97).

Федор Иоаннович в такой просьбе отказал, поскольку у государя «в обычае не ведется» товары без цены в казну принимать, равно и одаривать товарами без цены. Гонца попросили на часть подарков-товаров указать цену, насчет других товаров вести переговоры непосредственно с купцами. Вышло недопонимание, поскольку уже теперь гонец отказался торговать, ссылаясь на то, что не имеет на это право. В итоге все подарки из казны гонцу вернули и отправили обратно в Персию.

П. П. Бушев объясняет подобные попытки с персидской стороны «косностью шахского чиновника» или навязыванием царской казне «своеобразного» обмена «товаров» на глазок. По версии иранского историка Моэззи, гонцу просто не были даны указания относительно стоимости подарков-товаров (Моэззи 1979: 275). По нашей версии, основанной на тезисе А. А. Зоннештраль-Пискорского о российском государе как о главном коммерсанте, в Персии прекрасно знали о монопольном праве царской казны на некоторые виды товаров и о том, что в руках царя «сосредоточивалась главная торговая масса». Это и предопределило желание произвести меновой обмен лучшими товарами, но, конечно, в пользу шаха Аббаса.

В 1594 г. в Россию возвращаются со своими людьми (14 человек) Анди-бек и купчина Ади Хосров, последний в российских источниках фигурирует как Али Хосров (РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Книги. 1594. Д. 1. Л. 1). Данное посольство интересно сравнить с предыдущим посольством Анди-бека 1589 г., в котором также участвовали два представителя шаха, и вторым был Бутак-бек. К сожалению, в документах посольского приказа не было зафиксировано информации о подарках государю. Размеры посольства позволяют судить о том, что, вероятно, оно реализовывало задачи по сбору информации и занималось торговлей. В плане особенностей посольства, структуры, торговых дел, иерархии оно, равно как и два последующих посольства Анди-бека в Россию, интереса не представляет.

Чего нельзя сказать о посольстве Пер Кули-бека, находившегося в России в течение трех лет в 1599–1601 гг. Во-первых, это посольство было частью большой дипломатической миссии шаха Аббаса, порученной Хусейнали-беку. Заключалась она в посещении Германии, итальянских городов-государств, Испании, Франции, Польши, Венеции, Англии и Шотландии. Путь в европейские страны пролегал через Россию, и в Астрахани к нему присоединился посол Пер Кули-бек. Именно ему предстояло быть представителем шаха во время аудиенции у российского государя.

Во-вторых, при посольстве Хусейнали-бека состоял Орудж-бек Баят, ставший позднее в Испании после крещения Дон Жуаном Персидским. В его мемуарах содержится описание поездки в Россию и — самое главное — истории аудиенции у российского государя (Орудж-бек Баят 2007). Фактически со времен раннего Средневековья это первые записи персов о российской повседневности. Вместе с тем, как и любой мемуарный источник, записи Дон Жуана субъективны. В частности, в них сообщается, что свита Пер Кули-бека насчитывала 300 человек, что вряд ли соответствует действительности. Согласно росписи из посольского приказа, с послом было восемь человек дворян и 38 человек обслуги (Памятники... 1890: 111).

В-третьих, несмотря на скудную информацию о подарках, привезенных Пер Кули-беком, сохранились интересные сведения о передвижении посольства по территории России. О том, что, несмотря на получение «винной порции», посол держал пост в рамадан, который длился, судя по

челобитной Борису Годунову от сопровождавших посла дворян, с середины февраля до середины марта. В ней сообщалось, что «да, как государь, посол Перкулы бек по своей вере учал говеть и меду он кислого в те дни не пил, и приказывал де, государь..., чтоб ему в кислого меду место дал патоки, что ему говеючи ести» (Памятники... 1890: 61).

Следующее посольство от шаха Аббаса¹⁰ преподнесло Борису Годунову беспрецедентный подарок — трон, обитый золотом и украшенный бархатной тканью (Вишневская 1996: 200). Он хранится в Оружейной палате музеев Московского Кремля¹¹.

На примере данного посольства можно видеть, как послу и сопровождавшим его царским людям приходилось сталкиваться с коррупцией. Дворянин Петр Наумов, посланный в качестве пристава с персидским послом, судя по нескольким челобитным от людей, сопровождавших посла, и от него самого, экономил на выдаче положенного продовольствия, грабил собственных людей и запрещал торговать посольским людям, вымогая у Пер Кули-бека взятку. В итоге, согласно царскому указу, Петр Наумов был перед послом и его людьми «бит батогами» и заключен под стражу.

В 1615 г. прибыло небольшое посольство Булат-бека в составе 12 человек (Памятники... 1890: 367). В росписи подарков, привезенных послом, упоминаются чепрак на седло бархатный и расшитый золотом, персидская ткань цветная с серебряным шитьем, шелковые ткани с золотым шитьем и без, атласная ткань, булатная сабля, тулумбас, декорированный золотом, «кутаз боболев черн»¹², четыре лука из Шираза, украшенных золотом и серебром, и один простой красный лук. Количество подарков, по сравнению с посольствами еще к Федору Иоанновичу, заметно снижается. Объясняется это снижением значения для шаха Аббаса отношений с российским государем.

Одновременно с небольшим посольством Булат-бека в России находились двое купчин — «Хозя Низамедин» (вероятно, Ходжа Низаметдин) и «Хозя Муртоза» (Ходжи Муртаза). С первым было девять человек, со вторым — семь. Торговые представители шаха Аббаса, то есть купчины, судя по тому составу, который содержится в росписи поденного корму для посланника шаха Аббаса и его людей, в России находились вместе с семьями. Более того, именно во время этого посольства жена купчины «Хозя Муртазы» Ходжи Муртаза прибыла к мужу самостоятельно, о чем также есть записи (Памятники... 1890: 111). С ним в России находился также его брат с женой и сыном и «купленный человек латыш». У купчины был также приказчик Абдула с двумя женами, сыном и двумя дочерьми.

Последним персидским посольством, сведения о котором мы используем для сравнения с хивинскими и бухарскими представительствами, будет посольство Шах Мамеда (Мегмед в российских документах) Салим-бека от шаха Аббаса. С послом было 15 человек (РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1627. Д. 1. Л. 272). Среди них было несколько купчин «Хозя [Сегды]» (вероятно, Ходжа Сегды) и «Хозя Али» (Ходжи Али). Любопытно, что у посла были собственные торговые люди (пять человек) и они также представлены в росписи. Одного из них звали «шах Суфай ага». На такое небольшое посольство приходилось восемь кашеваров.

Мегмед Сали-бек прибыл с жалобой на государевых послов князя Григория Тюфякина, Григория Фефилатьева и дьяка Федора Панова. Вина их заключалась в том, что, следуя «боярскому наказу», они прогневали шаха Аббаса. В городе Ардебиле князь Тюфякин также велел выкрасть «татарчонка», от чего, как следует из документа, «проходили с великим шумом и позором»,

¹⁰ По версии А. А. Зоннештраль-Пискорского, посольство состоялось в 1604 г. (Зоннештраль-Пискорский 1931: 96).

¹¹ Официальный сайт Оружейной палаты. URL: <https://collectiononline.kreml.ru/iss2/items?query=%D0%98%D1%80%D0%B0%D0%BD&info=36558> (дата обращения: 24.02.2019).

¹² Вероятно, часть сбруи.

«а государскому имени то в нечести» (РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1629. Д. 8. Л. 61об.). Подробным образом история ослушания государева посла и его наказания представлена в трудах С. М. Соловьева (Соловьев 1963: 152–153).

Завершает сравнительный обзор хивинское посольство Ашур-бека к Петру I 1713–1715 гг. Внешнеполитический контекст его визита большей частью был определен подготовкой к масштабной экспедиции князя А. Черкасского и поиском пути в Индию. Поэтому к послу проявляли большой интерес господа сенаторы, представители царской администрации и резиденты европейских стран. Судя по опубликованным в XIX в. документам, посол поддерживал дружеские отношения с сибирским губернатором князем М. П. Гагариным (Письмо хивинского посланника... 1861: 357). В составе посольства было 50 человек (РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1713. Д. 1. Л. 17об.). Здесь, как и в случае с бухарским посольством Кули-бека, можно видеть численный рост делегаций почти в несколько раз, по сравнению с концом XVI в. Сохраняет свое значение должность купчины и появляется новая статусная должность — поверенный — *вакил* (РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1713. Д. 1. Л. 246).

В росписи среди даров были тигр (до Санкт-Петербурга он живым не доехал), две лошади и обезьяна, девять тигровых шкур, пять изорбафов, 27 овчин серых, девять миткалей, девять рукавиц, девять ножей бухарских (РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1713. Д. 1. Л. 2).

Поверхностный сравнительный обзор хивинских, бухарских и персидских посольств в Россию в XVI–XVIII вв. позволил определить следующие общие моменты. Изначально такие посольства представляли собой совсем небольшие по количеству группы людей, фактически семейные подряды ханских и шахских поставщиков. Численность участников посольств начала возрастать по мере перехода от сугубо торговых целей к внешнеполитическим. В конце XVI — начале XVII в. в составе хивинского, бухарского и персидского посольств появляется должность купчины, часто равная по статусу самому посланнику. По материалам персидских и бухарских посольств можно констатировать заимствование самого термина «купчина» персами и бухарцами.

Еще одним, пожалуй, значимым общим моментом было то, что для персидской и бухарской сторон не имело значение происхождение посла или его статус при дворе. Персидский посол Ходжи Хосров (литвин) или Кули-бек тупчи-боши (князь Ураков по отцу) были отправлены в Россию просто по причине того, что знали русский язык. Четырежды посетивший Москву гилянец Анди-бек был незнатного происхождения, и при его выборе имел значение его опыт пребывания в России.

Традиция дарообмена была присуща всем трем странам, с той лишь разницей, что подарки, доставленные от шаха, были гораздо дороже, особенно если была необходимость добиться политической цели. Хивинские и бухарские дары по стоимости уступали персидским, но их было гораздо больше и их состав был более разнообразным, как правило, они включали в себя возвращенных невольников. Принципиальным отличием было присутствие только в бухарских и хивинских посольствах должности ахунда.

Рост экономической состоятельности и влияния России на протяжении XVI–XVIII вв. напрямую отражался на развитии посольских представительств, по мере того как при Петре I менялось восприятие ханств Средней Азии, значения посольств и их статус при дворе российских императоров понижались. Посольства из Персии сохраняли свою значимость два последующих столетия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- РГАДА. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. Книги. 1594. Д. 1.
- РГАДА. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. 1627. Д. 1.
- РГАДА. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. 1629. Д. 8.
- РГАДА. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. 1630–1631. Д. 1.
- РГАДА. Ф. 109. Сношения России с Бухарой. Оп. 1. 1717. Д. 1.
- РГАДА. Ф. 134. Сношения России с Хивой. Оп. 1. 1713. Д. 1.
- Андреев А. А.* Российско-хивинские отношения в конце XVII — начале XVIII в. Декларативная «шерть» или реальное подданство // Петербургский исторический журнал. 2015. № 6. С. 16–30.
- Андреев А. А., Янченко Д. Г., Даудов А. Х., Шорохов В. А., Кибинь А. С.* К истории первых русских крепостей на восточном побережье Каспийского моря // Былые годы. 2016. № 39. С. 5–13.
- Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России: лекции, чит. в Имп. С.-Петербургском университете. СПб., 1911.
- Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.
- Бахмутова Е. К.* Иранские элементы в деловом языке Московского государства // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. 1940. Вып. 3. С. 40–71.
- Бокарева О. Б.* Посольские книги по связям России с Персией первой половины XVII в. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер.: Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований. 2010. № 7 (50). С. 96–106.
- Броневский С. М.* Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Иоанна Васильевича доныне. СПб., 1996.
- Бушев П. П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М., 1976.
- Бушев П. П.* Посольства Артемия Вольнского в Иран в 1715–1718 гг. (по рус. архивам). М., 1978.
- Бушев П. П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. (по рус. архивам). М., 1987.
- Веселовский Н. И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. От древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.
- Вишневская И. И.* Посольские дары. М., 1996.
- Жуковский С. В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие // Труды общества Русских ориенталистов. Пг., 1915. № 2.
- Зевакин Е. С.* Азербайджан в начале XVIII в. // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. 1929. Вып. 4. С. 24–31.
- Зоннештраль-Пискорский А. А.* Международные торговые договоры Персии. М., 1931.
- Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958.
- Исмаилова Г. А.* История Бухарского эмирата. Худжанд, 2005.
- Куканова Н. Г.* Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII — первой половине XIX в. Саранск, 1977.
- Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого: низовой корпус на берегах Каспия (1711–1735). М., 2010.
- Лукичев М. П.* Боярские книги XVII в. Труды по истории источниковедения. М., 2004.

Лысцов В. П. Персидский поход Петра I. 1722–1723. М., 1951.

Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР / ред. А. Н. Самойлович. Л., 1932. Вып. 3. Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв.

Новосельцев А. П. Русско-иранские отношения в первой половине XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966. С. 103–121.

Орудж-бек Баят. Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята — Дон Жуана Персидского. СПб., 2007.

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: в 3 т. / под ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1890–1898.

Письмо хивинского посланника Ашур Бека, от 5 марта 1715 г. к астраханскому обер-коменданту Чирикову на татарском языке // Военный сборник. 1861. Т. 21, № 10. С. 357–358.

Попов А. Н. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом // Записки Императорского Русского Географического общества. СПб., 1853. Т. 9.

Рахимов Р. Р., Андреев А. А. Дарообмен в контексте развития российско-хивинских и российско-бухарских связей в петровскую эпоху // Иран-наме. 2013. № 3 (27). С. 107–130.

Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Т. 5.

Фарзалиев А., Мамедова Р. Сефевиды и Великие Моголы в мусульманской дипломатике. СПб., 2004.

Фехнер М. В. Торговля русского государства со странами Востока. М., 1952.

Джафарийан Р. Дин ва сийасат дар даур-е Сафавийе (Религия и политика в эпоху Сефевидов). Кум, 1991.

Моэззи Х. Тарих-и равабете сийаси Ирон бо Дунйо (История политических отношений Персии с миром). Тегеран: Олим, 1979.

Мунши И. Тарих-и алам ара-йи Аббаси («Аббасова мироукрашающая история»). Тегеран, 1953. Русский перевод: Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1938. Т. 2.

Парсадуст М. Шах Тахмасб-е аввал (Тахмасп Первый). Тегеран: Ширкат-и Сахам-и Интишар, 1998.

Фалсафи Н. Зендеги-йе Шах Аббас-е аввал (Жизнь шаха Аббаса Первого): в 5 т. Тегеран, 1973–1974.

Munis Shir Muhammad Mirab, Agahi Muhammad Riza Mirab. Firdaws al-iqbal: History of Khorezm / transl. from Chaghatay and annotated by Yu. Bregel. Boston, 1999.

Allworth Ed. A. The Modern Uzbeks: from the 14 Century to the Present. A Cultural History. Stanford, 1990.

Andreev A. A. Concerning the Person of the Bukharan Ambassador Tupchi-Bashi Quli Beg or the Story of One Petition // Manuscripta Orientalia. 2014. Vol. 20, № 2. P. 22–28.

Andreev A. A. ‘Ashur Bek’s Letters and Prince A. B. Cherkasskiy’s Mission // Manuscripta Orientalia. 2016. Vol. 22, № 2. P. 9–28.

Andreev A., Rezvan M. Khiwa and Bukhara Legation Missive letters of the Late 17th — Early 18th Centuries. I. Preliminary Results of the Research Project // Manuscripta Orientalia. 2016. Vol. 22, № 2. P. 50–55.

Andreev A., Rezvan M., Rezvan E. The Letters of the Bukharan Embassy of Tupchi-Bashi Quli Beg Viewed as a Primary Historiographic Source // Manuscripta Orientalia. 2017. Vol. 23, № 2. P. 10–24.

- Iran and the World in the Safavid Age (Ed. by W. Floor and Ed. Herzig). London; New York, 2008.
- Matthee R.* Anti-Ottoman Politics and Transit Rights: The Seventeenth-Century Trade in Silk between Safavid Iran and Muscovy // *Cahiers du monde russe*. 1994. 35. P. 739–761.
- Matthee R.* The Politics of the Trade in Safavid Iran. Silk for Silver. Cambridge, 1999.
- Matthee R.* Anti-Ottoman Concerns and Caucasian Interests: Diplomatic Relations Between Iran and Russia, 1587–1639 // *Safavid Iran and Her Neighbors*. University of Utah Press, 2014. P. 101–128.
- Quinn Sh.* Historical Writing During the Reign of Shah Abbas. University of Utah Press, 2000.

THE DEVELOPMENT OF THE DIPLOMATIC TRADITION OF PERSIAN, KHIVA AND BUKHARA EMBASSIES TO RUSSIA FROM THE END OF THE SIXTEENTH TO THE BEGINNING OF THE EIGHTEENTH CENTURY

ABSTRACT. The paper is based on the comparative analysis of diplomatic activities of Khiva, Bukhara and Persian embassies in Russia in the late sixteenth — early eighteenth centuries. The authors attempt to identify common and particular aspects of the emerging diplomatic tradition of the three states, including differences and similarities in the structure of the embassies, their hierarchies and rules of compliance with the etiquette at the court of the Russian sovereign. The embassy documents from the Safavids, written in Turki, and those from Khiva and Bukhara, in Persian, which are kept in the RSAAD (in small quantities), demonstrate a similar bureaucratic tradition for Isfahan, Khiva and Bukhara. The similarity is also manifested in general terms referring to ambassadors and *cupchins*. The authors identify the factors which informed certain qualitative changes in the diplomatic traditions of the three states. The tradition of gift exchange in all the three states is considered in the context of the foreign policy conjuncture. Special attention is also paid to the historiographic review of Russian, British and Iranian works on the topic under discussion.

KEYWORDS: diplomatic traditions, gift exchange, embassies, Khiva Khanate, Bukhara Khanate, Safavid state

ARTYOM A. ANDREEV — Candidate of Historical Sciences, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

E-mail: a.a.andreev@spbu.ru

MARYAM E. REZVAN — Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)

E-mail: mrezvan@kunstkamera.ru